

Независимая газета

Поздний президент

В отсутствие сдержек и противовесов правитель неизбежно теряет контакт с реальностью

2007-08-21 / Дмитрий Ефимович Фурман - доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН.

Чем дальше правит наш президент, тем больше накапливается разных произнесенных им «исторических» фраз. Но если вначале эти фразы производили впечатление продуманных и отрепетированных экспромтов («мочить в сортире»), то затем президент стал говорить все спонтаннее и явно много «лишнего». То он вспомнил мальчика, выходящего во враждебный двор, зажав «в потном кулачке» конфетку, которую он намерен обменять на какую-то ценность, то предлагал разозлившему его журналисту совершить обрезание и при этом явно перепутал обрезание с кастрацией. А его выступление на последнем саммите «восьмерки» в Хайлигендамме, где он назвал себя «абсолютным и чистым демократом» и сказал, что «после смерти Махатмы Ганди не с кем поговорить», просто вызывает оторопь. Создается впечатление, что президент совершенно искренен, он действительно считает себя «абсолютным» демократом, не видит среди мировых лидеров того, с кем бы стоило поговорить, и хотел бы пообщаться с Ганди. Но его субъективная правда не только все дальше от реальности, но все более становится просто фантастичной. Сюжет Путина, беседующего с Ганди (очевидно, о Боге, ненасилии и борьбе с плотскими страстями), идеально подходит для картин Комара и Меламида. Что же происходит с нашим президентом, который, несомненно, один из самых умных и культурных (первый, после Ленина, знающий иностранный язык и ни разу не ошибившийся с ударением) глав государства в новейшей истории России?

Две логики отбора

Россия в новейшей истории не избалована культурными и умными правителями. И это – не случайно, а объясняется действовавшими механизмами социальной мобильности.

В СССР господствовал бюрократический механизм мобильности, когда выдвижение зависит от воли начальника, который никогда не сделает своим заместителем человека явно его умнее. Пробившиеся на самый верх через бесчисленные карьерные фильтры, каждый раз не пропускавшие слишком самостоятельных и слишком «много думающих», члены Политбюро затем выбирали в своем узком кругу главу государства, фактически пожизненного. Естественно, что при этом выбирался тот, кого они считали самым слабым. Неуклонное действие этого механизма «выживания слабейшего» на протяжении советской власти легко прослеживается при сравнении фигур Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнева и Черненко. Только в самом конце, когда маразм достиг совершенно гротескных размеров и у членов Политбюро возникло чувство,

что без каких-то решительных действий система погибнет, этот механизм стал давать сбои, и они избрали Андропова и Горбачева.

Избрание в 1991 году Ельцина было действием принципиально иного механизма – популистско-демократического. Это было избрание президента на совершенно свободных выборах взбудораженным и неорганизованным обществом, стремящимся к переменам и желающим всего сразу. Стремления общества были взаимоисключающими. Люди хотели, например, одновременно неуклонного повышения своего жизненного уровня и перехода к новой социально-политической системе, суверенитета России и сохранения союзного государства. И понятно, что в ситуации выбора между теми, кто говорил, что это невозможно, и тем, кто убедительно говорил, что это вполне возможно и он знает, как это сделать, люди выбрали второго. То есть человека, не выдающего противоречий, которые в спокойном состоянии мог увидеть неглупый десятиклассник. Этот же механизм выдвинул наверх Жириновского. Конечно, в какой-то мере Ельцин, а Жириновский – еще больше, играли, но примитивным обманом их демагогия не была: совсем не веря в то, что ты говоришь, так не сыграешь – тут нужна искренность.

Качества, требуемые для выдвижения при действии этого «популистско-демократического» механизма, – совсем иные, чем при действии бюрократического механизма. Начальству нравятся не те, кто способен понравиться толпе. Трудно представить себе Черненко, побеждающего на свободных выборах, как трудно представить себе Жириновского, успешно делающего бюрократическую карьеру. Но оба эти механизма выталкивают наверх отнюдь не самых сильных в интеллектуальном отношении.

С приходом Ельцина к власти, фактически сразу после Беловежских соглашений ставшей безальтернативной, началось постепенное ослабление действия популистского механизма и восстановление действия механизма бюрократического. Эпоха революционного хаоса, когда функционировали разнообразные лифты вертикальной мобильности, поднявшие наверх очень разных, но ярких и небюрократических людей (в диапазоне от Гайдара до Жириновского, от Лебедева до Березовского – всех этих ярких персонажей «Кукол» Шендеровича), кончалась, лифты остановились. Как любой нормальный правитель, Ельцин не хотел видеть рядом неконтролируемых, «много о себе понимающих», потенциально непослушных и даже опасных людей.

Но как же тогда могло произойти, что преемником Ельцина стал человек, интеллектуально и культурно стоящий, несомненно, выше его? Я думаю, что здесь сыграли роль два фактора. Во-первых, Ельцин не предполагал, как предполагали члены Политбюро, избиравшие генсеков, что после отставки он будет продолжать играть видную политическую роль или даже реально править. Он действительно уходил на покой. В этой ситуации ему было прежде всего важно, чтобы преемник гарантировал ему и его семье спокойную жизнь, и он мог не стремиться подобрать самого слабого в своем окружении. Во-вторых, Ельцин и его «семья», в отличие от членов Политбюро, очень боялись выборов (я думаю, безосновательно: любой назначенный Ельциным преемник в нашей ситуации был обречен на победу). Поэтому они стремились подобрать человека не только

«предсказуемого» и не опасного для них (то есть не похожего на самого Ельцина), но и такого, который одновременно понравился бы и народу. Выдвижение Путина, таким образом, подчинялось и не чисто бюрократической логике, и не чисто популистской. Эти разные логики как бы взаимно нейтрализовывали друг друга. И результат получился действительно удачный.

Путину очень многие любят (хотя любовь к нему народа – в значительной мере «монархическая»: другого бы тоже любили). Некоторые его, естественно, ненавидят. Но он ни у кого не вызывает (пока?) тех презрительных насмешек и ощущения стыда, которые раньше вызывали у своих бессильных подданных многие наши всемогущие правители. Что же с ним происходит? Откуда эти все более явные странности?

Хрупкая адекватность

Путин пришел к власти в рамках уже в основном выстроенной системы безальтернативного президентства. И стремясь вернуть стране стабильность и порядок, он шел по уже намеченной дороге, свернуть с которой почти невозможно. Он строил «властную вертикаль» и «управляемую демократию», последовательно ликвидируя все противодействующие ему центры силы. Винить его за это нельзя: в той ситуации, в которой он оказался, никакого иного пути и не было.

Но построение единой, пронизывающей все общество властной вертикали означает, что правитель оказывается без сознательного противодействия и без оппонентов, мнение которых он обязан учитывать.

Фактически единственная серьезная оппозиция Путину – извне, со стороны других государств. Но разные и не очень-то последовательные упреки западных «партнеров» легко объяснить тем, что они просто не хотят, чтобы Россия «поднялась с колен». Внутри же страны Путин оказался вообще без какой-либо серьезной открытой оппозиции.

Но если человек остается без оппозиции, если нет никого, кто бы мог сказать ему: «Что же ты такое говоришь?», если на каждом шагу ему говорят, что он, безусловно, прав, а те, кто все же его ругают, куплены Березовским (если не американцами), то он, каким бы умным и нормальным ни был, начинает погружаться в аутический мир собственных грез. Наша «адекватность» поддерживается только тем, что нам на каждом шагу возражают и противодействуют, и мы сами постоянно контролируем себя, учитывая эти возможные возражения и противодействия.

С Путиным происходит то, что происходило уже очень много раз с людьми, оказавшимися в ситуации полновластных правителей, которым никто не может возразить (опасно, бессмысленно и себе дороже). Сталин и вначале, конечно, был кровавый тиран, но убивал он тех, кто был реально или потенциально опасен. А в конце своего правления он действительно подозревал Молотова и Ворошилова в том, что они иностранные шпионы, боялся врачей-убийц, верил, что кубанские казаки живут так, как это показано в фильме, и писал «Марксизм и вопросы языкознания» и «Экономические проблемы социализма в СССР». Хрущев вначале – это не тот Хрущев, который стучал ботинком по столу в Генеральной Ассамблее, называл художников-модернистов «пидорасами» и ввез ракеты на Кубу (для чего – до сих пор историки тщетно ищут ответа). Брежнев в 1964 году,

может быть, сам бы посмеялся, если бы ему сказали, сколько раз он будет награжден орденом Ленина и что он напишет книгу, которая удостоится литературной премии. И Ельцин эпохи «обороны Белого дома» – это совсем не тот Ельцин, который дирижировал в Германии оркестром и неделями «работал с документами». Путинская фраза о Махатме Ганди – это явление того же порядка, что хрущевский ботинок или ельцинское дирижирование.

И дело здесь совсем не в возрасте, а именно в годах, прожитых без возражений и противодействия.

* * *

Преимущество реальной, не «управляемой», демократии не в том, что народ выбирает самых умных. В устоявшейся, стабильной демократии народ выбирает «средних». Буш – отнюдь не самый умный человек в США, а Саркози – во Франции. Но мы склонны преувеличивать роль ума. Ум – вещь относительная и, может быть, отнюдь не самая важная и вообще в человеке, и в успешном правителе. А по отношению к сложности и многообразию реальной жизни никакого ума все равно никогда не хватит. Какой-нибудь увлекшийся своими идеями (которые, в конечном счете, неизбежно окажутся ложными) умник может погубить страну (Ленин был очень умный), а очень средний человек может быть прекрасным правителем.

Преимущества демократии в том, что она ставит жесткие пределы «глупости», не дает правителю уйти в мир своих фантазий и увести туда страну. Представим себе, что Буш не имел бы не подчиняющегося ему Конгресса и республиканцам не грозило бы поражение, что Буш мог бы изменить Конституцию и продлить свою власть, пока не доведет до конца все задуманное. Он, вполне вероятно, напал бы еще на несколько стран «оси зла», всех бы победил, а потом и он и Америка не знали бы, что с ними делать, как она не знает, что делать в Ираке. Он мог бы вообще, руководствуясь самыми благими стремлениями к распространению демократии, привести мир к Армагеддону.

В нашей системе нет ни противодействующих президенту Думы и суда, ни угрозы победы оппозиции на следующих выборах. И хорошо, что мы не такие уж сильные.